

II. Говорят ученики

Дмитрий Смирнов*

ДЕНИСОВ-УЧИТЕЛЬ

Это было 5 июня 1968 года. Мне нужно было переписать любительскую запись моей кларнетовой сонаты на студийный магнитофон для показа на экзамене, и мой профессор по композиции Владимир Георгиевич Фере обещал помочь. Так мы оказались в кабинете звукозаписи Дома композиторов. Когда зазвучала музыка, к нам подошел довольно молодой человек небольшого роста с короткими седыми волосами торчащими «ёжиком».

— Что это за музыка? — поинтересовался он.

— Соната моего ученика! — с гордостью произнес Фере, указывая на меня.

В глазах незнакомца я прочел одобрение.

Потом Фере объяснил мне:

— Это наш известный авангардист Эдисон Денисов.

Из музыки Денисова я знал только фортепианные Багатели (1960), которые мне нравились, но никак не ассоциировались с понятием «авангардизм». Я, правда, слышал о каком-то шуме вокруг имени Денисова, и мне было интересно ближе познакомиться с этим человеком и его музыкой.

В конце июня после сессии, встретив его возле консерватории, я сказал, что хотел бы попасть к нему по инструментовке.

— Обычно композиторов мне не дают, боятся, что я их испорчу, и дают одних теоретиков, — сказал он. — Но попробуйте подать заявление.

Заявление мое кафедра проигнорировала, и я попал в класс Карена Суреновича Хачатуряна. Но на второй семестр, проявив настойчивость, я добился все-таки перевода в класс Денисова.

На первом уроке он бегло просмотрел мои работы, сделанные раньше, и сказал, чтобы следующий раз я принес разметку «Дельфийских танцовщиц» Дебюсси. Что такое разметка я плохо себе представлял и, чтобы показать моему новому педагогу на что я способен, решил сделать настоящую «авангардную» партитуру. Над оркестровкой я работал с вдохновением и придумывал

* Дмитрий Николаевич Смирнов (р. 1948) учился на композиторском отделении Московской консерватории в 1967—1972 гг. (класс В. Г. Фере и Н. Н. Сидельникова). У Денисова занимался инструментовкой. Публикуемые воспоминания относятся к 1988 году. В настоящее время живет в Англии.

самые неожиданные эффекты, пытаясь передать движения танцовщиц хоралом засурдиненной меди и ударными инструментами, рукопись я оформил à la Пендерецкий, и на следующем уроке с трепетом и гордостью поставил ее на пюпитр.

Денисов полистал партитуру, и слова его ошеломили меня:

— Чушь собачья!

Я не поверил ушам и стал защищать достоинства моей оркестровки, но в ответ слышал только: «Ерунда... никуда не годится... эти ваши тромбоны — чушь...». «Принесите мне разметку» — заключил он и, взяв карандаш, стал надписывать в нотах, кто где должен играть. Но то, что предлагал Денисов, казалось мне неинтересным, ординарным по сравнению с изощренностью моей партитуры, и разочарованный я покинул класс.

Из урока в урок я носил Денисову скучные разметки, а затем карандашные партитуры, оформленные самым традиционным образом: Дебюсси... Дебюсси... Бетховен... Барток... Барток... Мессиян!... Мессиян!... Шёнберг!!! Шесть пьес Шёнберга op. 19 я выбрал сам, и работа над их оркестровкой доставила мне настоящее наслаждение. Потом Эдисон Васильевич познакомил меня с шёнберговскими оркестровками Хоральных прелюдий Баха. Я был в восторге и на следующий урок принес свою работу в таком же роде. Мои работы всё чаще получали одобрение Денисова, и постепенно я стал понимать, что такое логика и культура оркестрового мышления.

Денисов учил подходить к произведениям другого композитора не со стороны, а изнутри: как бы я написал это сочинение для оркестра, если бы сам был его автором. Я понял, что учусь не только инструментовке, но и сочинению.

Раз в неделю Эдисон Васильевич собирал всех своих учеников и устраивал прослушивания музыки. На такие прослушивания мог прийти кто угодно, и я продолжал посещать их много лет спустя после окончания консерватории. Диапазон прослушанной музыки был необычайно широк и разнообразен: Моцарт, Малер, Дебюсси, Шёнберг, Берг, Мессиян, Штокхаузен, Булез, Лигети и т. д. (Иногда устраивались встречи с композиторами или выдающимися исполнителями. Так я присутствовал на встречах с Дютыйе, Ноно, Орелем Николе и Шнитке.) Выбор музыки для таких прослушиваний в основном отражал вкусы Денисова, но зачастую был случайным и зависел от наличия партитуры и записи одновременно.

Вначале раскрывалась партитура, и Эдисон Васильевич анализировал ее оркестровую технику, одновременно пытаясь объяснить нам логику сочинения, процессы развития композитор-

ской мысли. После прослушивания музыка обсуждалась совместно со всеми присутствующими.

Таким образом мы не только познакомились с массой неизвестных или почти неизвестных нам композиторов и их сочинениями, но научились по-новому смотреть на то, что нам было давно знакомо. Польза от таких прослушиваний была огромной.

Денисов охотно соглашался смотреть сочинения своих учеников (и не только своих) и давал ценные советы. Суждения его всегда были краткими, четкими, зачастую резкими и категоричными, они могли быть даже обидными: «Дима, вы совсем не умеете писать для этого инструмента...». «Здесь вы какую-то ерунду написали...». «Тут вы просто поленились...». «Такие тремоло пишут только в плохой театральной музыке...». «Здесь только одна хорошая страница — остальное как будто написал другой композитор...». «Это нужно выбросить...», и т. д.

Большое внимание Денисов уделял ритмической стороне сочинения и не терпел здесь однообразия и примитивных решений. Это касалось и звуковысотной организации, мелодики. Инструментальная фактура должна была быть пластичной, всегда соответствовать характеру данного инструмента. Технические возможности каждого инструмента следовало использовать в наибольшем объеме. Сочинение должно было быть написано в одной манере — разнотильность и техническая разнородность считались большим дефектом. Все штрихи и нюансы необходимо было продумать и расставить. Любые намерения должны были быть четко выражены и детально выписаны — любая приблизительность и неопределенность осуждалась.

Таким образом ученик получал от учителя всё то, что принято называть технической оснащенностью и профессионализмом. И сейчас, спустя много лет, я убежден, что эти уроки — самое ценное, что я получил в консерватории.

Но обучение у Денисова этим не исчерпывалось — оно продолжалось на его собственных партитурах. Безупречное мастерство, бесконечная изобретательность, высокая культура мышления, удивительная красота и утонченность, отличающие их, всегда притягивают, увлекают, заставляют думать, сообщают творческий импульс.

За годы нашего знакомства мое ученичество у Денисова переросло в тесную дружбу с ним. И я благодарен судьбе, давшей мне такого прекрасного учителя и такого верного друга.